

Б. А. ШРАМКО

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Возникновение крупнейшего в Европе Бельского городища не было исторической случайностью. Оно возникло на рубеже VIII-VII вв. до н. э. в переломный период, когда происходил переход от бронзового к железному веку. В это время у местного населения юга Восточной Европы наблюдаются важные преобразования: осваивается добыча и обработка железа, что способствует развитию и других отраслей хозяйства, а также военного дела. Одновременно расширяются и изменяются культурно-экономические связи, в разных местах Евразии наблюдается передвижение различных этнических групп и усиливается их взаимодействие [1, с. 13 и др.], начавшееся еще в предшествующую эпоху. К этому времени относятся киммерийские и скифские походы в Переднюю Азию, которые помимо всего прочего способствовали расширению влияния переднеазиатских цивилизаций на культуру местного населения. С появлением в Северном Причерноморье греческих колоний заметно усиливается и воздействие античной культуры. Прослеживается сильное и длительное влияние фракийцев на культуру населения юга Восточной Европы, в том числе и в лесостепной зоне [2, 3, 4, с. 114 — 144; 5, с. 106 — 151]. Еще в доскифское время на юге Восточной Европы достаточно ясно определяются две хозяйственные и культурные зоны: степная, освоенная скотоводами-кочевниками, и лесостепная, занятая различными оседлыми земледельческо-скотоводческими племенами, среди которых, как полагают [6], было и праславянское население. Периодические набеги степных кочевников в восточноевропейскую лесостепь носили кратковременный характер и существенно не изменяли сложившуюся этнокультурную ситуацию в лесостепи, где археологически хорошо прослеживается закономерное развитие местной культуры оседлых земледельцев. Набеги не приводили к завоеванию кочевниками Лесостепи, но способствовали консолидации лесостепных племен и созданию в Лесостепи целой системы укрепленных поселений, которая с небольшими изменениями сохранялась в течение всего раннего железного века. Уже само по себе существование этой разветвленной системы укреплений, служивших защитой от внезапных вторжений кочевников (рис. 1), является убедительным доказательством самостоятельности лесостепных племен, свидетельствует о существовании у них независимых от степных скифов политических объединений, которые имели достаточно экономических возможностей для создания, развития и поддержания боевой готовности этой мощной системы оборонительных сооружений, подобной которой никогда не было в степной Скифии. Наличие в некоторых местах, преимущественно на южной окраине Лесостепи, курганов со скифскими погребениями в катакомбах может быть объяснено разными причинами и, в частности, мирным оседанием отдельных групп скифского населения на территории земледельческих племен с переходом их под покровительство последних [7, с. 41-43]. Одним из важных опорных пунктов в системе оборонительных сооружений

лесостепных племен было Бельское городище, которое имело не только военное значение, но вскоре стало крупным экономическим, культурным и политическим центром если не всей, то значительной части лесостепной зоны, получившим широкую известность и отмеченным у Геродота как город Гелон [IV, 108].

Место для постройки Бельского городища было выбрано исключительно удачно, оно расположено в глубине большого массива лесов на изобилующей родниками водораздельной возвышенности правого берега Ворсклы, на пересечении важных сухопутных и речных путей [8], (рис. 1). Благоприятные природные условия этой местности давно привлекали внимание людей. На территории Бельского городища зафиксировано много находок, относящихся еще к различным культурам (катакомбной, срубной, бондарихинской) бронзового века (рис. 2). Не покидали эту территорию местные земледельцы и в эпоху раннего средневековья [9, с. 88 — 89; 10, с. 121 — 137; 11, с. 74-79]. Размеры и конфигурация городища во многом определялись стремлением первых поселенцев не только наилучшим образом использовать рельеф местности, но и охватить единой полосой оборонительных сооружений уже существовавшие здесь неукрепленные поселения, которые выявлены внутри Большого Бельского городища. В результате оборонительная линия следовала не только по удобным для обороны мысовым участкам возвышенности, но захватывала и большие участки ровной местности водораздельного плато между реками Ворскла и Сухая Грунь. Кроме того, оборонительная линия Большого Бельского городища соединяла в единое целое в сущности отдельные Восточное, Западное и Куземинское укрепления. В результате всего этого и возник огромный комплекс Бельского городища, просуществовавший с рубежа VIII-VII вв. до н. э. до IV в. до н. э.

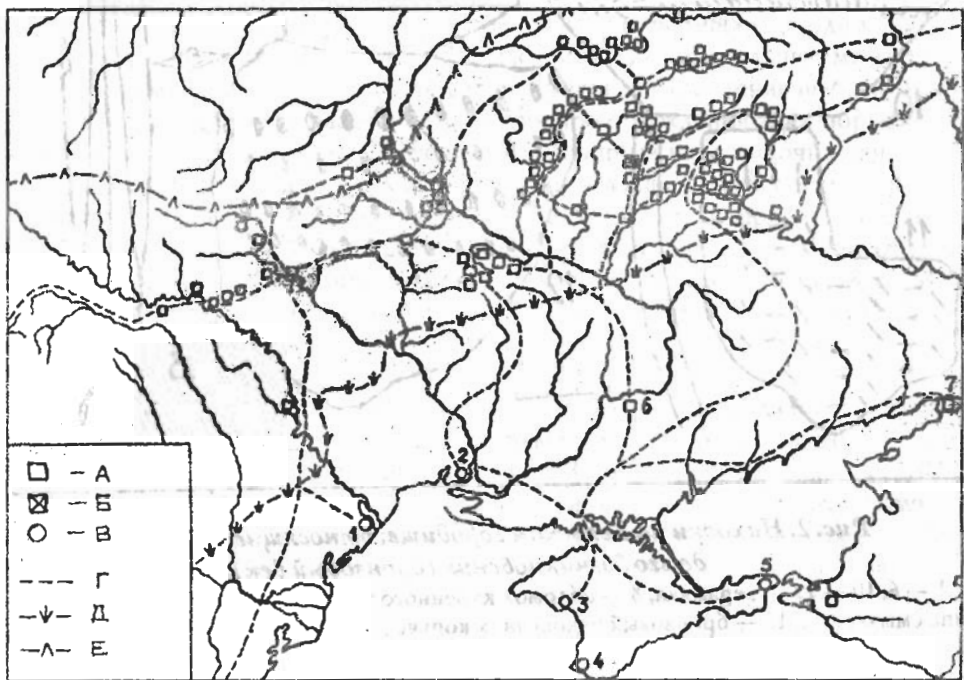

Рис. 1. Городища и торговые пути в Скифии

А — городища, Б — Бельское городище, В — античные города, Г — торговые пути.
 1 — Тира, 2 — Ольвия, 3 — Керкинитида, 4 — Херсонес, 5 — Пантикапей. 6 — Каменское городище на Днестре, 7 — Елизаветовское городище.

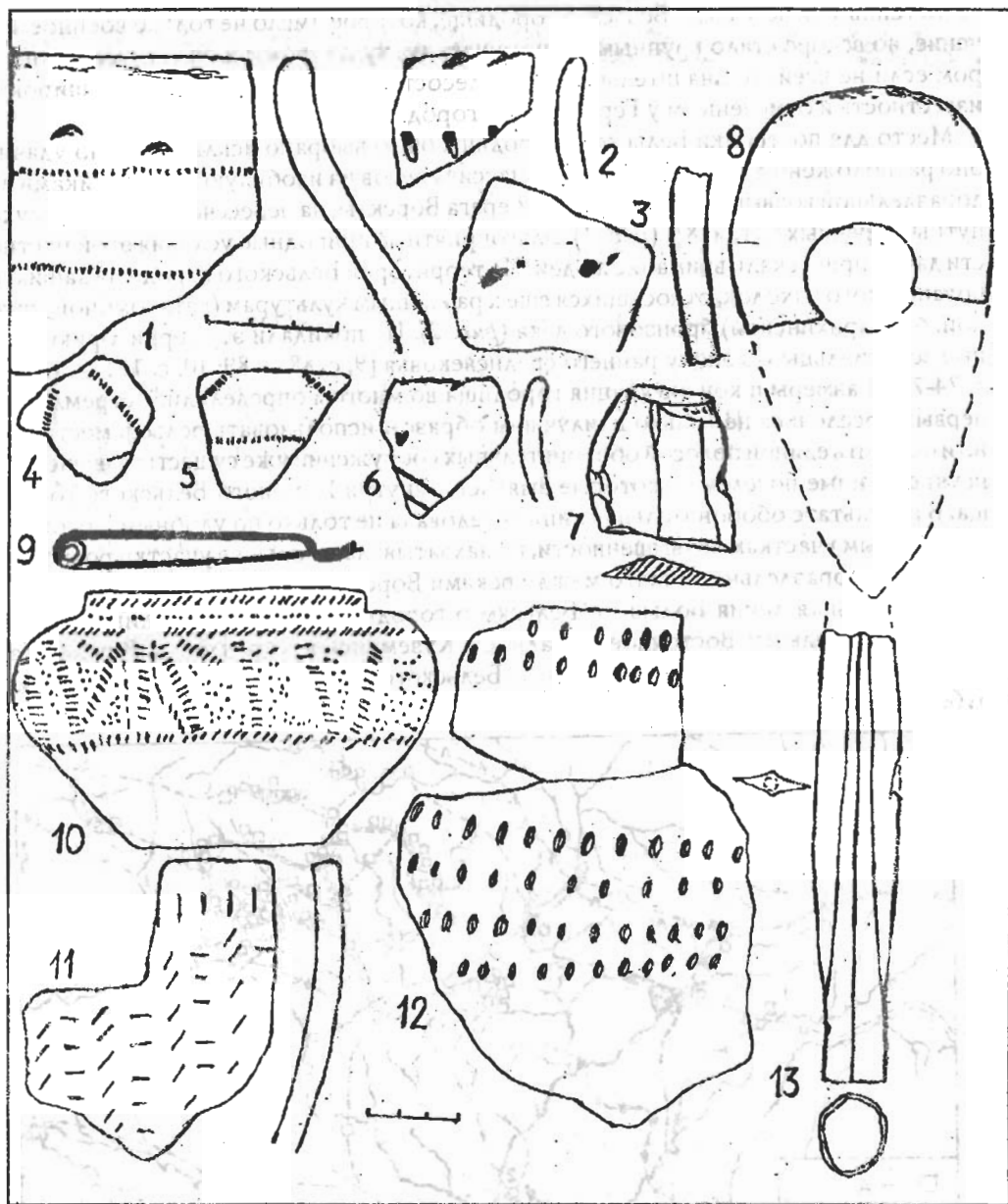

Рис. 2. Находки на Бельском городище, относящиеся ко времени до его возникновения (бронзовый век).

1 — 6, 10 — 12 — керамика, 8 — обломок каменного топора-молота, 9 — железная фибула типа смычковых, 13 — бронзовый наконечник копья.

В свое время, на основании разведки 1966 г., мы имели неосторожность высказать мысль о существовании в скифское время на левом берегу Днепра у Переяславля-Хмельницкого большого Каратульского городища [12, с. 199]. Это предположение было подхвачено некоторыми археологами [13, 14] и использовано подчас для далеко идущих, но недостаточно обоснованных выводов. Например, будто «имеются основания полагать, что обитатели правого берега стремились закрепить за собой владение днепровской поймой, для чего создавали вдоль левого берега серию укреплений» [13, с. 508] или совсем иначе: «...очевидно, що саме скифи були головною силою у даному регіоні і, таким чином, носіями тієї політичної влади, що спромоглася організувати та здійснити, використовуючи підкоренне населення, спорудження великих городищ Лісостепу». Чувствуя явную неубедительность своих утверждений, авторы, правда, здесь же добавляют: «висновок дещо несподіваний, проте не будемо його відкидати відразу» [14, с. 182]. Будем надеяться, что время ожидания уже прошло и неубедительные предположения уже можно отбросить, тем более, что вопрос о самом существовании Каратульского городища сейчас решается иначе. Исследования, которые провел М. П. Кучера [15] убедили нас в том, что валы у с. Каратуль представляют собой часть средневековых «змиевых валов» и обнаруженные нами в 1966 г. остатки слабовыраженного, существовавшего недолго, поселения скифского времени с этими валами не связаны. Отсутствие большого Каратульского городища скифского времени подтверждают и новейшие исследования [16]. При изучении Бельского городища В. А. Городцов отметил два сохранявшихся в его время обрывка валов: один — к востоку от Западного укрепления, а другой — к югу от села Бельск за оврагом [IV, с. 94, рис. 97]. Возможно, эти два обрывка валов свидетельствуют о том, что предпринималась попытка выделить внутри Большого Бельского городища еще одно внутреннее укрепление, основным ядром которого было бы поселение с зольниками в урочище Царина, однако по каким-то причинам это внутреннее укрепление не было построено. Возможны и другие варианты объяснения происхождения этих обрывков валов, но сейчас для окончательного решения этого вопроса недостаточно данных, а получить новые сведения трудно, так как территория эта либо занята постройками, либо многократно перепахивалась. Во всяком случае, невозможно принять предположение Д. П. Смирнова и П. Д. Либерова о том, что южная часть городища, отделенная этими обрывками валов, использовалась в качестве загона для скота [18, с. 26]. Такое предположение свидетельствует лишь о том, что некоторые авторы плохо представляли себе размеры Бельского городища, если предполагали существование загона для скота площадью в 1,5 — 2 тысячи га.

Основные этапы и особенности строительства Бельского городища удалось выявить при изучении оборонительных сооружений в нескольких местах и особенно в большом разрезе, сделанном в 1985 г. в северо-западной части Западного укрепления (рис. 3). Раскоп длиной в 60 м и шириной в 3 м показал, что вал городища имеет сложную структуру и состоит из целого ряда слоев и прослоек земли и глины с остатками деревянных конструкций. Современная высота вала от уровня погребенной почвы на этом участке равна 4,8 м. Стратиграфия позволяет проследить несколько строительных периодов.

Городище начало сооружаться на необжитом месте, которое на данном участке не имело никакого культурного слоя и было покрыто кустарником и небольшими деревьями. Эта растительность была срублена и сожжена, образовав слой толщиной до 20 см. Первоначальное поселение не имело мощных укреплений, даже земляного вала. Первые поселенцы обвели свою территорию небольшим рвом или канавкой, которая имела в верхней части ширину 60 — 65 см, внизу — до 25 см, глубина — до 32 см. Военно-

оборонительного значения эта канавка не имела, но сооружение ее соответствовало очень древним традициям. В соответствии с этими традициями вокруг нового поселения необходимо было прежде всего провести ров или канавку. Это была черта, граница, которую проводили с соблюдением специальных обрядов. Эта черта должна была магически защитить поселение и его жителей от злых сил и одновременно определяла официальную границу поселения [19, с. 22 — 24]. Защита первоначально ограничивалась тем, что в упомянутую канавку с интервалом в 15 — 18 см вбивали колья толщиной 20–30 см, образующие основу изгороди. Промежутки между кольями закрывал плетень из прутьев. Таким образом, первоначальная ограда представляла собой простой забор в виде плетня.

Дальнейшее строительство продолжалось под защитой этой ограды и простого сооружения в виде небольшого вала с рвом перед ним с деревянной стеной из бревен толщиной 20–30 см. Вал второго строительного периода имел высоту 1,4 м от уровня погребенной почвы при ширине основания около 7 м. Он был насыпан в основном из чернозема и имел плоскую горизонтальную верхнюю часть. Ров перед валом имел трапециевидную форму в сечении и заканчивался плоским дном. Во время существования этих древнейших оборонительных сооружений городище, видимо, подвергалось нападению. На это указывают прослойки чернозема с примесью золы и древесных угольков от сгоревшей деревянной стены.

После этого разрушения укрепления были не только восстановлены, но и значительно усилены. Вал третьего строительного периода (если устройство забора с плетнем рассматривать как первый строительный период) достиг уже высоты 3,6 м при ширине основания 11,6 м. Он был насыпан в основном из глины, смешанной с землей. Эта насыпь перекрыла не только вал второго строительного периода, но и первоначальную канавку с остатками простой изгороди. В почве вала этого строительного периода найден фрагмент венчика горшка архаического типа, украшенного вдоль венчика палевным расчлененным валиком с проколами. Верхняя площадка вала плоская и с внутренней стороны заканчивается уступом высотой около 1,2 м, который дальше переходит в покатый спуск. Ров третьего строительного периода сохранился лишь в своей восточной части. Форма его в сечении также близка к трапециевидной. Дно плоское. Глубина рва достигала, видимо, 1,9 м от уровня подошвы насыпи вала. В дно рва были вбиты надолбы, наклоненные слегка в наружную сторону. Диаметр одной из сохранившихся надоб ок. 12 см. Ров периодически расчищали, но не до самого дна.

В четвертом строительном периоде вал был вновь увеличен. Теперь высота его достигала 4,4 м при ширине основания 18 м. Насыпь этого вала очень неоднородна. С внутренней стороны она состоит из чернозема культурного слоя городища и содержит характерные для этого слоя остатки в виде фрагментов керамики, обломков костей животных из пищевых отходов, кусочков глиняной обмазки. С наружной стороны насыпь состоит из смеси чернозема с глиной. Эта почва бралась из внешнего рва и не содержит культурных остатков. Трапециевидный в поперечном разрезе ров с плоским дном имел глубину до 2,7 м и ширину в верхней части около 7,5 м.

Вал пятого строительного периода сохранился хуже, так как верхняя часть его расплылась. В настоящее время в месте разреза вал имел высоту 4,8 м, в то время, как в других местах он выше и имеет высоту 6–7 м. Ров также частично разрушен и зарылся. Сейчас он имеет глубину 3,7 м при ширине в верхней части 23,5 м. Кроме того, перед рвом четвертого строительного периода на расстоянии 6 м от него был вырыт еще один, дополнительный ров, имевший в профиле треугольное сечение. Глубина этого дополнительного рва — 1,8 м, а ширина в верхней части — около 9 м. Таким образом, в последнем строительном периоде городище защищали два рва.

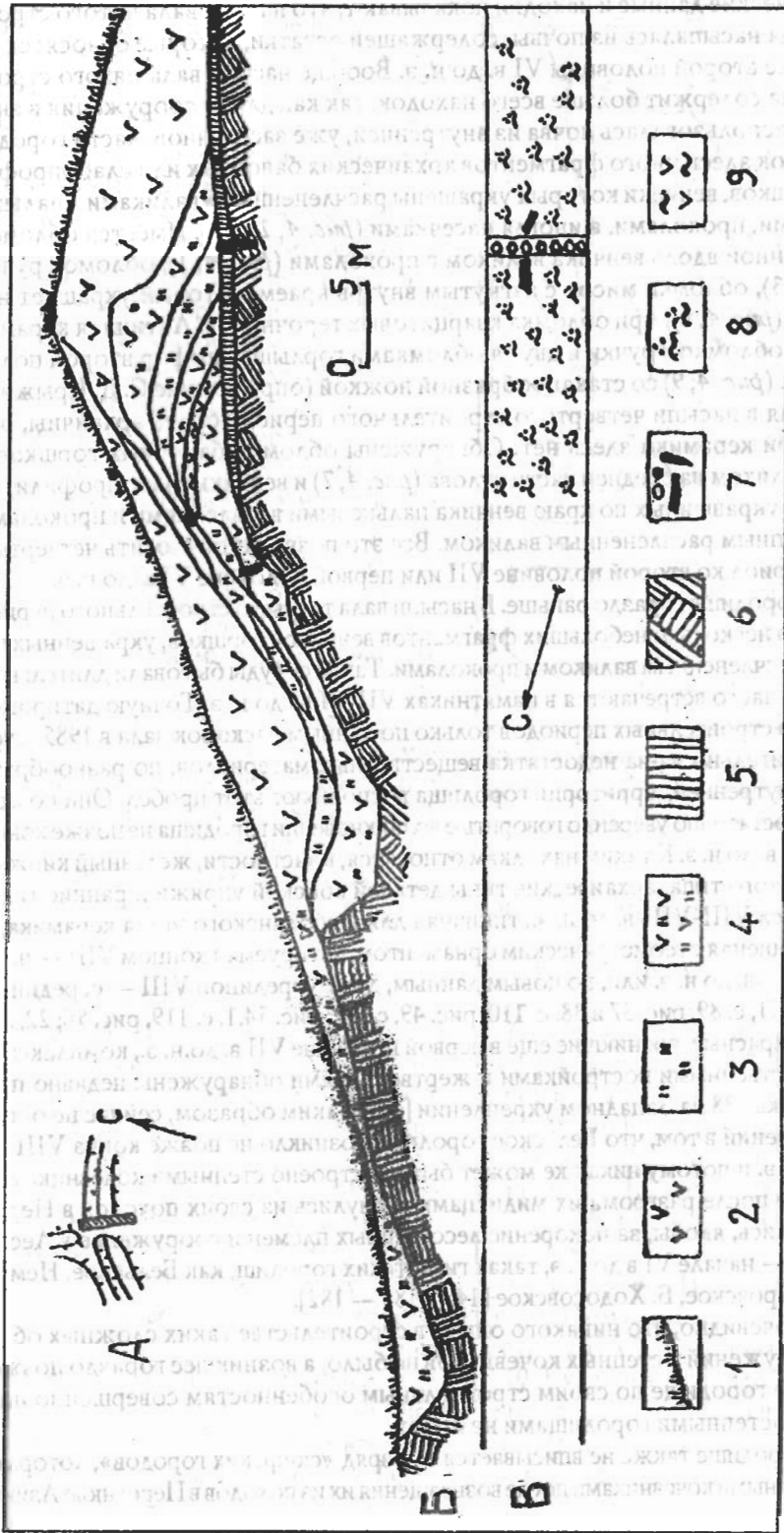

Рис. 3. Разрез вала и рва Западного укрепления Бельского городища

А — схема расположения раскопа 1985 г., Б — профиль вала и рва, В — план раскопа 1985 г.
 1 — дерн, 2 — чернозем, 3 — глина, 4 — чернозем с глиной, 5 — потребленная почва, 6 — материк, 7 — остатки деревянных конструкций,
 8 — зола и древесные угли, 9 — чернозем с золой.

Стратиграфические данные и находки показывают, что насыпь вала пятого строительного периода насыпалась из почвы, содержащей остатки, которые относятся ко времени не позже второй половины VI в. до н. э. Вообще насыпь вала пятого строительного периода содержит больше всего находок, так как для ее сооружения в значительной мере использовалась почва из внутренней, уже заселенной, части городища. Среди находок здесь много фрагментов архаических баночных или слабопрофилированных горшков, венчики которых украшены расчлененными валиками с пальцевыми вдавлениями, проколами, а иногда насечками (рис. 4, 2, 5, 6). Имеется обломок корчаги, украшенной вдоль венчика валиком с проколами (рис. 4, 1), обломок ручки черпака (рис. 4, 3), обломки мисок с загнутым внутрь краем, который украшает небольшой выступ (рис. 4, 8), три обломка кварцитовых терочников. Античная керамика представлена обломком ручки и двумя обломками горлышек амфор второй половины VI в. до н. э. (рис. 4, 9) со стаканообразной ножкой (определение С. Д. Крыжицкого). Отложения в насыпи четвертого строительного периода более архаичны, обломков амфорной керамики здесь нет. Обнаружены обломки баночных горшков с расчлененным валиком на средней части тулова (рис. 4, 7) и венчики слабопрофилированных горшков, украшенных по краю венчика пальцевыми вдавлениями и проколами на плечиках наlepным расчлененным валиком. Все это позволяет относить четвертый строительный период ко второй половине VII или первой половине VI в. до н. э.

Возникло же городище гораздо раньше. В насыпи вала третьего строительного периода найдено только несколько небольших фрагментов венчиков горшков, украшенных по краю наlepным расчлененным валиком и проколами. Такие сосуды бытовали длительное время и особенно часто встречаются в памятниках VII-VI вв. до н. э. Точную датировку первого и второго строительных периодов только по данным раскопок вала в 1985 г. установить затруднительно из-за недостатка вещественных материалов, но разнообразные находки на внутренней территории городища восполняют этот пробел. Они позволяют уже сейчас достаточно уверенно говорить о возникновении городища не позже конца VIII — начала VII в. до н. э. К таким находкам относятся, в частности, железный кинжал позднекиммерийского типа, архаические типы деталей конской упряжи и ранние типы наконечников стрел VIII-VII вв. до н. э., типичная для жаботинского этапа керамика, в том числе чернолощенная с геометрическим орнаментом, датированная концом VIII — первой половиной VII вв. до н. э. или, по новым данным, даже серединой VIII — серединой VII вв. до н. э. [20, 21, с. 89, рис. 37 и 38, с. 110, рис. 49, с. 117, рис. 54, 1, с. 119, рис. 56; 22, 23, 24, 25, 26, 27]. Прекрасные, возникшие еще в первой половине VII в. до н. э., комплексы с жилищами, хозяйственными постройками и жертвенниками обнаружены недавно при раскопках зольника 28 на Западном укреплении [28]. Таким образом, сейчас не остается никаких сомнений в том, что Бельское городище возникло не позже конца VIII — начала VII в. до н. э. и потому никак не может быть построено степными кочевниками-скифами, которые после разгрома их мидийцами вернулись из своих походов в Переднюю Азию и взялись, якобы, за покорение лесостепных племен и сооружение в Лесостепи в конце VII — начале VI в. до н. э. таких гигантских городищ, как Бельское, Немировское, Трахтемировское, Б. Ходосовское [14, с. 181 — 182].

Это тем более очевидно, что никакого опыта в строительстве таких сложных оборонительных сооружений у степных кочевников не было, а возникшее гораздо позже в степи Каменское городище по своим строительным особенностям совершенно ничего общего с лесостепными городищами не имеет.

Немировское городище также не вписывается в разряд «скифских городов», которые были основаны степными кочевниками после возвращения их из походов в Переднюю Азию,

так как относится к лесостепным памятникам, содержащим, как показал тщательный анализ находок Г. И. Смирновой [29, с. 67 — 84, 30, 183 — 198], материалы, соответствующие предскифскому и раннескифскому периоду (VIII-VII вв. до н. э.).

Кроме того, не следует рассматривать в качестве имеющих единое происхождение памятников («скифские города») все крупные лесостепные городища раннего железного века, так как они вовсе не идентичны и существенно отличаются друг от друга как составом вещественных остатков, так и способами строительства оборонительных сооружений. Культура этих городищ, как и культура всего оседлого земледельческого населения Лесостепи раннего железного века, на наш взгляд, представляет собой новообразование, сформировавшееся в результате закономерного процесса сложного социально-экономического развития местного населения во взаимодействии с другими этнокультурными общностями. Сейчас уже отмечено влияние фракийских, киммерско-скифских, гальштато-иллирийских, лужицко-высоцких и других элементов, которые по-разному и в разной степени проявляются в разных местах Лесостепи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мерперт Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV-III тысячелетий до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи.— М., 1988.

2. Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир.— М., 1979.

3. Смирнова Г. И. Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье // МИА.-1969.— 150.

4. Ванчугов В. П. Памятники тудоровского типа в Северо-Западном Причерноморье // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины.— К., 1987.

5. Крушельницкая Л. И. Археологические культуры предскифского времени. Культуры Прикарпатья, Волыни и Закарпатья раннескифского времени // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья: энеолит, бронза и раннее железо.— К., 1990.

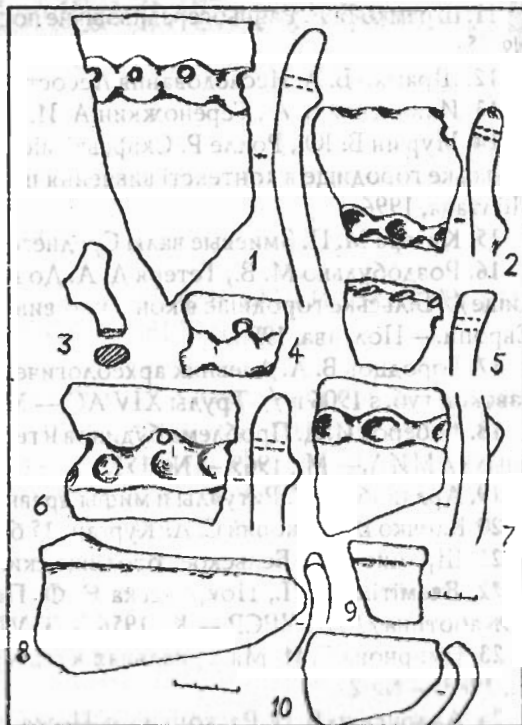

Рис. 4. Образцы керамики, обнаруженной в насыпи вала Западного Бельского городища. Раскопки 1985 г.

6. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия.— М., 1979.

7. Обговорення нової концепції передісторії Київської Русі академіка Б. О. Рыбакова // ВІЖ.-1981.—№10.

8. Šramko V. A. Die Osteuropäische Steppe und Waldsteppe in ihren Wechselbeziehungen während der frühen Eisenzeit // Archaeologische Mitteilungen aus Iran.— Berlin.— B. 25, 1992.

9. Степанович С. П. Археологічні розвідки на території Великого Більського городища та його округи // ПАЗ.— Полтава.— 1995.—№5.

10. Кулатова І. М. Археологічні пам'ятки території та найближчої округи Більського городища // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи.— Полтава, 1996.

11. Шрамко Б. А. Ранньосередньовічне поселення в Більську // Археологія.— 1998.— № 35.
12. Шрамко Б. А. Исследования Лесостепной полосы УССР // АО 1966.— М., 1967.
13. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII-IV вв. до н. э.— К., 1983.
14. Мурзін В. Ю., Ролле Р. Скiфські міста у Лісостепу (до постановки питання) // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи.— Полтава, 1996.
15. Кучера М. П. Змиевые валы Среднего Поднепровья.— К., 1987.
16. Роздобудько М. В., Тетеря Д. А. До питання про так зване Карагульське городище // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи.— Полтава, 1996.
17. Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ. с 1906 г. // Труды XIV АС.— М., 1911.— Т. 3.
18. Либеров И. Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА.— М., 1969.— № 151.
19. Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии.— М., 1982.
20. Клочко В. І., Скорий С. А. Курган 15 біля Стеблева // Археологія.— 1993.— № 2.
21. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон).— К., 1987.
22. Вязмітіна М. І., Покровська Є. Ф. Поселення VII-VI ст. до н. е. в околицях с. Жаботина // АП УРСР.— К., 1956.— Т. VI.
23. Смирнова Г. И. Материальная культура Григоровского городища // АСГЭ.— Л., 1983.— № 23.
24. Андриенко В. П. Раскопки у с. Пожарная Балка // АО 1979.— М., 1980.
25. Андриенко В. П. Комплекс начала скифского времени на поселении Пожарная Балка (раскоп 11) // Донецкий археологический сборник.— Донецк, 1992.— № 1.
26. Безсонова С. С. Глиняні жертівники лісостепового Подніпров'я ранньоскифського часу // Археологія.— 1996.— № 4.
27. Ротаров А. Inkrustierte Keramik von Belsk // ESA.— 1929.— № 4.
28. Шрамко И. Б. Новые исследования Западного укрепления Бельского городища // Древности 1994.— Х., 1994.
29. Смирнова Г. И. Немировское городище — общая характеристика памятника VIII — VI вв. до н. э. // Археологія.— 1996.— № 4.
30. Смирнова Г. И. Предварительные данные о Немировском городище // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи.— Полтава, 1996.

SUMMARY

The paper is devoted to the study of the ancient town Belsk (Helon town) near village Belsk of the Poltava region. Problems of appearing and dating of the fortified settlement are considered. It appeared to the turn of the 8-7th century B. C. The opinion that the ancient town Belsk was founded by the Scythians is inconvincing.

